

18+

Миланский замок Нити времени

Наталья Луницкова

ДОЛГОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НИТИ ВРЕМЕНИ
ДЛИНОЙ В ШЕСТЬСОТ ЛЕТ.

Наталья Лучникова
Шильонский замок.
Нити времени

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48630205
ISBN 9785005077127*

Аннотация

Долгое путешествие по нити времени длиной в шестьсот лет. На каждом отрезке пути яркими вспышками загораются герои книги, разные, как само время. Казалось бы, у них нет ничего общего и разное всё: пол, возраст, происхождение, страна. Но есть нечто, что соединило их судьбы в один причудливый узор. Каждый из них однажды сделал выбор, который определил их дальнейшую судьбу. Каждый день – это выбор мгновений, в каждом из которых можно изменить ход своей истории.

Содержание

ШИЛЬОНСКИЙ ЗАМОК	5
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Шильонский замок

Нити времени

Наталья Лучникова

© Наталья Лучникова, 2020

ISBN 978-5-0050-7712-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ШИЛЬОНСКИЙ ЗАМОК НИТИ ВРЕМЕНИ

Всё началось с фотографии в интернете. Красивое и романтическое место, похожее на фрагмент детской сказки: синее озеро из которого вырастает замок, крутизной стен и их недоступностью подобный крепости, камни обрамляющие берег озера, голубые горы вдали, лучи солнца высвечивающие замок даря ему золотисто-коричневый теплый оттенок, в целом, казалось бы ничего особенного. Но что-то большее, чем просто красота, цепляло и погружало в это место. Захотелось узнать про замок, но как? Страна, где он находится, была загадкой.

Спустя месяцы, несколько фрагментов моей жизни, удивительным образом, сложились в единую картину. Вначале друзья прислали мне несколько заставок на рабочий стол, среди которых была фотография того самого замка. Затем в моей жизни появились новые знакомые, которые часто бывая в стране, практически мне незнакомой, при наших встречах щедро делились впечатлениями о своих поездках. И наконец, однажды, за обедом, в кафе, включили передачу о той самой стране, про которую много и подробно рассказывали мне мои знакомые. На экране мелькали снимки красивых мест, как в качественном рекламном ролике, и вдруг камера

показала тот самый замок из сказки! Время словно остановилось, и меня мгновенно перенесло через страны и континенты туда: в сказку, к озеру, в замок. Вот так в один момент, место обрело название и адрес. Удивительное превращение мечты в реальность казалось невероятным, и я вдруг поняла, что давно уже знаю и эту страну, и это место, и то, что я там обязательно буду.

С того момента прошёл год, и судьба привела меня в эту страну, в это место, и в этот замок.

Всё началось с фотографии в интернете... Эта фотография стала началом сюжета целого романа.

Иногда невозможное становится возможным, даже тогда, когда мечта начинается с одного только снимка.

2014 год, июль, Замок Шильон, Швейцария

У ворот замка есть лавка, где можно купить сувениры и выпить чашечку кофе. Те, кто был в Шильоне, хорошо её знают – это единственное место в ближайшем радиусе, где можно что-то купить.

В тот день с самого утра шёл дождь, возвращаться по дождю мне не хотелось и выйдя из замка, я зашла в лавку, купила кофе и села за маленький круглый столик, чтобы сделать свои путевые записи: давняя привычка доверять блокноту больше, чем памяти. Я почти закончила, когда поймала на себе чей-то взгляд. Прямо передо мной сидел высокий,

красивый, седовласый мужчина, на вид ему было лет семьдесят. Он сидел за соседним столиком, улыбался, и не скрывая интереса, откровенно смотрел на меня, как смотрят на что-то забавное. Я улыбнулась в ответ и смутилась, потому как не часто ловлю на себе подобные взгляды. Несмотря на то, что в лавке кроме нас было ещё довольно много посетителей, я видела, что пристальное внимание незнакомца привлекает только мой столик. Я продолжала писать, спешить было некуда, капли дождя ещё барабанили по натянутой крыше, а незнакомец продолжал своё наблюдение. Когда я закончила, дождь почти прекратился, и мне захотелось пройтись вдоль берега озера. Я допила свой холодный кофе и направилась к выходу, но не успев сделать и пару шагов из под навеса лавки, я услышала низкий и приятный мужской голос:

– Bonjour Mademoiselle!

– Bonjour, – повторила я. Это было одно из немногих, знакомых мне французских слов.

Мы стояли некоторое время, молча глядя друг на друга, и улыбались, как улыбаются люди, не знающие что друг другу сказать. Так как знакомство в мои планы не входило, я сделала короткий шаг вперёд по тропинке. К моему удивлению, незнакомец шагнул за мной, и не отставая ни на шаг следовал за мной вдоль замка, по направлению к GrandRue. Дойдя до первого спуска к озеру, незнакомец остановился и начал что-то быстро говорить по-французски обращаясь ко мне. Здесь нужно сказать, что мои познания француз-

ского языка, к моему стыду, ограничиваются двумя фразами: «Bon appetit» и «Bonjour». И хотя я и прежде чувствовала ущербность от того, что не знаю языки, то теперь вовсе ощутила себя неандертальцем. Даже по мимике и жестам я не могла понять ничего, из того что говорил мне мой случайный попутчик. Вообще, здесь, в Швейцарии, для меня стало открытием способность швейцарцев говорить на нескольких языках. Не знаю, насколько глубоко они их знают, но явно больше, чем я. И пока мой случайный попутчик продолжал изливать французские слова, я думала о том, как ему объяснить, что я ничего, вообще ни единого слова не понимаю. Но как только я собралась жестами остановить его, он вдруг резко прервался и пристально посмотрел мне в глаза. Воспользовавшись этой паузой, я медленно, по-русски произнесла:

– Я не говорю по-французски.

Прежде, если я отвечала по-английски: «I don't speak French», услышав это, со мной начинали резво говорить по-английски, и я вновь вынуждена была улыбаться и пожимать плечами в ответ. Моих познаний в английском хватало для того, чтобы спросить дорогу и заказать себе обед, но не более того. Так, со временем, чтобы, не вводить собеседника в заблуждение и не попадать в него самой, я стала отвечать по-русски, чтобы было понятно, на каком языке я могу понимать, слушать и говорить.

К моему удивлению, незнакомца нисколько не смутила

русская речь, и он медленно по-английски произнёс:

– Do you speak English?

На что, я также медленно, почти по слогам ответила:

– Better than French, but much worse than Russian.

Он широко улыбнулся, и тоже разделяя слова на слоги, произнёс:

– My name is Basko.

Поскольку его желание продолжить общение было очевидным, то кроме как пытаться понимать и говорить по-английски, другого выбора, ни у него, ни у меня не было. Услышав его намеренно медленную речь, я улыбнулась, вспомнив отца, который в детстве, также спокойно и не торопясь объяснял простым языком не понятные мне вещи.

– I'm sorry, but I don't speak Russian, – ещё медленней проговорил он, и стал спускаться вниз по ступенькам, аккуратно взяв меня под локоть. Мы спустились к озеру, и медленным прогулочным шагом пошли по дороге, уступая дорогу любителям кататься на роликах и велосипедистам. Баско всё больше напоминал мне отца: такой же красивый, уверенный, а ещё могучий и надёжный, похожий на замок, который остался позади. Мы дошли до одной из многочисленных скамеек, расставленных вдоль берега, и он предложил мне сесть. Скамейки вдоль озера, словно специально расставлены для уединения: они спрятаны за деревьями и цветами, и чтобы обнаружить их, нужно спуститься к самому берегу. Стоя у линии воды, спиной к озеру, их замечатель-

но видно, но с бульвара, где прогуливаются туристы и местные, их не видно совсем, только кусты и цветы, обрамляющие скамью, служат указателями для желающих отдохнуть сидя у берега.

Какое-то время мы сидели молча, и наблюдали за птицами, прилетевшими к нам в ожидании корма. Первым подплыл лебедь: красивая, благородная птица, своим величием и грацией, моментально приковывающая к себе взгляд. Я отломил кусочек от своего круассана и бросила в воду. Лебедь оживился, но остался в стороне, подплыть он не решился. Я бросила ещё кусочек, лебедь вновь вострепнулся в порыве подхватить, но остановился и вместо того, чтобы плыть к кусочкам, стал плавать из стороны в сторону, ни на сантиметр не приближаясь к желанной пище. Мне стало интересно, сколько времени и кусочков понадобятся лебедю, чтобы наконец-то решиться, подплыть и съесть их. Я бросила третий кусочек, четвёртый, а вот пятый бросать уже не пришлось. Откуда то приплыла утка, схватила один кусок, потом появилась другая, следом прилетели неизвестные мне мелкие пернатые, потом воробьи, и уже через мгновение весь этот птичий коллектив не оставил ни крошки. Они были такие шустрые и смешные, они с таким азартом соревновались за каждую крошечку, что я не заметила как скормила им всё, что у меня было. И только после этого я вспомнила о лебедю. А он всё это время оставался в стороне, но уже без оживлённого взгляда, а с опущенной головой. Он, кому сама судьба

подарила очевидные преимущества, остался голодным и без внимания, а те, кто не располагали внешними привилегиями, были сыты, довольны и обласканы вниманием. Это забавное наблюдение увлекло не только меня, но и Баско, он с интересом смотрел за движениями лебедя. Когда птицы решили, что здесь им больше ничего не дадут, они улетели также мгновенно, как и появились, и только после них, не поднимая головы уплыл лебедь. Я тоже хотела удалиться от этого места, и повернулась к Баско, чтобы жестами показать своё намерение, а он в ответ достал из кармана пиджака карточку и показал мне:

– This is my grandpa.

При этом Баско так пристально и цепко смотрел прямо в мои глаза, что я не смогла не только отвести взгляд и взглянуть на снимок, но даже моргнуть. Он словно сканировал каждый миллиметр моей души, а потом медленно, почти по слогам проговорил два слова: «Tomorrow here», встал и буквально исчез за кустом цветов.

Вся эта ситуация была похожа на сон, который едва проснувшись ощущаешь как реальность, хотя нет никаких внешних проявлений этой самой реальности. Я не знала, что делать, потому что рано утром у меня был поезд в Милан, а оттуда долгий перелёт домой. Я не помню, сколько времени я пробыла в оцепенении, прежде чем, поняла, что выход есть только один: сделать то, что я могу сделать.

Ранним утром, когда ещё даже горизонт не был озарён

солнцем, я вышла из отеля и быстро пошла вдоль берега, жадно вдыхая целебный воздух озера. Уже стали различимы очертания замка, когда я заметила Баско.

Сегодня он был одет как профессор европейских университетов из фильмов: клетчатый пиджак, шейный платок, шляпа, в одной руке у него была трость, в другой он держал бумажный свёрток. Увидев меня, Баско быстро зашагал навстречу, и подойдя ближе, чем обычно подходят незнакомые люди, протянул мне свёрток. Это было что-то тяжёлое и небольшое, похожее на свёрнутую в рулон бумагу. «Write about it», сказал он и неуклюже положил мне на плечи руки. Баско вновь, как вчера, пристально посмотрел мне в глаза, и повторил: «Write about it». Не понимая, о чём нужно написать, я кивнула, а он развернулся и зашагал проч.

Чтобы не томить читателя, не буду описывать, чего мне стоило разобраться в записях, которые я обнаружила в этом свёртке. История перевода с английского, безусловно, интересна сама по себе, но она меркнет по сравнению с той, что хранилась за обложкой свёртка. Это были письма, дневники, рисунки, заметки и записи некоего Бренсона, который приходился дедом моему новому знакомому. Скажу только что, когда я открыла свёрток и увидела пропитанные временем листки, я не сразу решилась даже прикоснуться к ним, не то что читать. Эти письма и дневники хранили историю нескольких поколений и открывали удивительное перепле-

тение нитей времён начиная с 14 века. Казалось бы, какая связь может быть между Бубонной чумой, свирепствовавшей в середине 14 века в Европе, и рисунком на стене старой церкви в маленькой ирландской деревне? Оказалось связь есть и весьма прочная.

Судьба иногда открывает замысел своих прихотей совсем неожиданно и без каких либо просьб. События, цепочкой тянувшиеся семь веков, открылись именно так: всполохами высветив отметины историй разных лет и стран.

История хранившаяся в свертке, началась в Шильоне, с прекрасной Иоланды, затем цепь событий перешла в Ирландию, к Шону, а потом вновь вернулась в Шильон, с Бренсоном, помощником Альберто Нефа. Именно он, Бренсон, хранил семейную историю шести поколений, и чтобы убедиться в её правдивости прибыл в Шильон и принял участие в реставрации замка. Много лет он внимательно изучал каждый камень чтобы понять: могли ли они быть свидетелями тех событий, на истории которых он вырос. Бренсон вёл дневники и скрупулёзно записывал каждый исследованный миллиметр. Его внук, Баско, сохранил записи деда, и в 2014 году, в возрасте 65 лет передал их автору.

От себя он вложил в свёрток единственный лист, на котором было написано:

«Я родился и вырос в Америке, мой дом стоит в самом центре Северно-Американской плиты, и я никогда не слышал шума волн. Когда мне исполнилось 65, я подумал, что

должен отвести записи своего деда туда, где он их сделал. Своих детей у меня нет, и мне некому передать историю, хранившую память семи поколений моего рода. Я приехал на берег Женевского озера, и взял с собой Дневники, чтобы увидеть своими глазами то, чему мой дед посвятил свою жизнь.

Поселился я неподалёку от замка, из моих окон открывается прекрасный вид на озеро и горы другого берега. Я держу окна и балкон открытыми, чтобы слышать шум волн. Никогда я не мог даже представить, что смогу наслаждаться этим новым для меня звуком, видимо ирландские гены отзываются во мне на звуки воды.

Каждое утро я прихожу к замку, иногда захожу с экскурсиями внутрь. Но, к сожалению, мне как туристу многое из того, о чём писал и рассказывал дед, закрыто. Тем не менее, я могу себе представить описанные в дневниках события. Гуляя по замку, я понял, что жизнь состоит из выбора мгновений. Каждое мгновение можно изменить свою жизнь, а прошлое оставить позади. Сегодня неизменно превращается во вчера, и вчерашний день остаётся навсегда. Что останется там, и что я выберу сегодня, решать мне, никто за меня этого не решит. Я хочу оставить память о деде и его историю. Баско Б.».

Я не знаю, почему Баско выбрал меня, но я благодарна ему, за то что он доверил мне своё сокровище. Насколько

смогла, я превратила рукописи в историю, и тебе, дорогой читатель решать, какой она получилась.

1330 год, Замок Шильон, Графство Савойское

Стражникам выдали красивую одежду, ярко синего цвета. Она была мягка и приятна на ощупь, пахла свежей краской и удивительно шла каждому. Мужчины, в новых одеждах казались стройнее, их прямые спины поддерживала гордость, сила и особая значимость их долга. В то время, каждый стражник считал своим долгом не только оберегать доверенный ему замок, но и улучшать то, что возможно улучшить. Торговый путь, проходивший мимо замка, стал не только безопасным, но и более доступным. Налоги стали гибкими и зависели от количества провозимого товара. Дорога постоянно поддерживалась в хорошем состоянии, а если в пути случались болезни, то их можно было оставить в замке, и им был гарантирован уход. Довольны были все: граф Савойский, стражники, торговцы.

1345 год, Замок Шильон, Графство Савойское

Момент превращения стражей в охранников прошёл незаметно. Опасный воздух тщеславия проникал в замок и постепенно пропитывал собою всё вокруг. Отравленные этим воздухом, жители замка медленно избавлялись от ответ-

ственности за свои поступки, слова, мысли. Стражники, которые совсем недавно гордо носили свои имена и одежды, стали больше заботиться о сохранении того, что уже было, чем о приобретении нового. Их не волновало, что маниакально сохраняя одно, они теряли многое другое.

Нельзя сказать, что поток торговцев плативших налог, сократился. Они просто стали другими: на смену радости пришла серость.

Почему произошли изменения, и что было их причиной, выяснять не будем, обнаруживать едва уловимые связи отдельный труд. Однако, замечу, что началом перемен приведших к разрушению хорошего, как и в большинстве своём, стало нечто-то маленькое, незаметное и безобидное, завёрнутое в красивый плащ «добрых намерений».

1348 год, 05 сентября, Замок Шильон, Графство Савойское

Приближаясь к мосту, который вёл к главным воротам замка, Иоланда бросила короткий взгляд на внутренний дворик слева, где несколько мужчин увлечённо ловили рыбу. Один из них, повернувшись на шум у ворот, поймал на себе её взгляд, открыл свой беззубый рот и выкрикнул ругательство. Остальные рыбаки тут же подняли головы, и увидев вереницу невольниц стали кричать, хохотать и показывать пальцами в сторону пленниц. Охранники, которые

сопровождали девушек, обернулись на хохот, остановились и подмигнув друг другу перерезали дорогу несколькими женщинами, которые шли позади. Двое мужчин побросав свои рыбацкие приспособления, сорвались с места и побежали к ним. Невольницы, почуввав неладное, сбились в кучку, и чтобы не кричать, закрыли рты своими кулаками. Иоланда остановилась, но тут же кто-то из девушек схватил её за руку и зашипел в ухо: «Смотри на землю, не останавливайся!». Иоланда закрыла глаза, и повинуясь той, что взяла её за руку, пошла до боли сжимая глаза, чтобы не видеть тот ужас, в который она отказывалась верить. Охранники, что-то громко кричали и стали ещё чаще опускать свои палки на спины невольниц, удары слышались со всех сторон. С самого утра, как только они начали путь, Иоланда заметила, что стражи, которые их вели, стали злее обычного, чаще слышались их крики и удары палок, которые означали, что одной невольницей стало меньше.

Иоланда услышала, как за спиной с тяжёлым стуком закрылись огромные ворота замка и лязгнули замки. Женщин, которым стражники преградили дорогу перед мостом, она никогда больше не увидела.

Всего пять дней отделяли её от Иоланды полной надежд на новую, радостную и свободную жизнь. Чтобы не стать любовницей Рауля де Бриенн, графа де Гин и д'Э, она решилась на побег, но покидая Шильон, она и предположить, не могла, что так скоро вернётся сюда, но уже пленницей. И только

сейчас, проходя через главные ворота замка, Иоланда поняла, что всё происходящее с ней, не игра, не сон, и не шутка. Только сейчас, она осознала, что той Иоланды, которая покидала замок несколько дней назад больше нет, и не будет. Она подняла голову, чтобы посмотреть на окна, через которые ещё совсем недавно она наблюдала за жизнью замка и увидела Его. Он стоял у окна и смотрел прямо на неё. Иоланда замерла, мороз прошёл по спине, сковывая дыхание. Ещё несколько минут назад, когда она поняла, зачем женщин оставили за воротами, ей казалось, что ничего страшнее быть не может, оказалось, может, живое воплощение кошмара стояло прямо перед ней. Но её оцепенение длилось всего мгновение, потому как уже в следующее она получила удар в спину. «Пошла!» – крикнул тот, кто еще недавно был её слугой. Она не видела, что было дальше в том окне, потому что их погнали вниз, по холодным, скользким ступеням, к двери, к которой бабка запрещала даже приближаться. Мысли Иоланды путались, ноги не слушались, звуки ударов сковали плечи судорогой, она прикусила губы до боли и слёзы вновь покатались по щекам. «Меня ведут в подземелье, из которого не возвращаются. Жизнь закончена. Больше ничего не будет!», слезы катились по щекам, и она была им рада, потому что они застилали глаза и скрывали то, на что не хотелось смотреть. «Жизнь закончена. Жизнь закончена. Жизнь закончена», повторяла она слова, которые спасали от мыслей, но с каждым повтором всё меньше вы-

зывали слёз. Едва её босые ступни коснулись ледяных каменных ступеней, Иоланду охватила дрожь, с которой она не могла справиться, руки, плечи и голова, тряслись так, как будто их дёргали за специально привязанные верёвки. «Ты чего?», услышала она рядом уже знакомый голос. Иоланда хотела что-то ответить, но едва она попыталась открыть рот, как прыгающие зубы прикусили язык, и она почувствовала вкус своей крови во рту. Тихо застонав от боли, она обхватила себя руками и если бы не чья-то поддержка, то Иоланда упала бы, потому что рассудок отказывался удерживать её в сознании.

Пленниц загнали в маленькое помещение, где не было окон, пахло сыростью и гнилью. Комната была слишком мала для такого количества пленниц, и девушки которые заходили последними, взбирались на плечи стоящих впереди. Некоторые, прижатые к стене уже теряли сознание от давки, духоты и усталости. Стражники продолжали загонять последних пленниц, и не было никакой возможности помочь тем, кто падал, на них сразу вставали, хотя их ещё можно было спасти. Когда железный засов громко ударил, и дверь заперли, стало так тихо, что было слышно, как с потолка крупными каплями падает вода, ударяясь о головы девушек. Кроме этих звуков падающей воды, ничто не нарушало давящую тишину подземелья. Иоланда была прижата лицом к стене и даже не пыталась пошевелиться. Отчаяние и страх немного отступали и чтобы не дать им вновь овладеть собой вновь,

она едва шевеля губами, стала повторять: «Зачем я здесь? Зачем я здесь? Зачем я здесь?». Она с детства привыкла разговаривать с собой, и это помогало находить ответы на многие вопросы. «Я хотела жить, а теперь, а теперь... Я даже не знаю, можно ли хотеть чего-то сейчас, кроме того чтобы этот кошмар остановился и все вернулось всего на пять дней назад. Только пять дней. Только пять дней. Только пять», Иоланда захотела повернуть голову, но смогла отодвинуться лишь на дюйм. В этом коротком движении она успела увидеть, как по стенам пляшут страшные тени. Два стражника всё ещё стояли в проёме, размахивали факелами над головами девушек, ловя и поджигая их волосы. Появился запах сторевших волос, и некоторые девушки падали, задыхаясь от рвотных спазм. Видя это Иоланда, вспомнила как наблюдала однажды за растягиванием шкур. У них во дворе стоял специальный станок, на который надевали шкуру, и медленно вращали колеса станка, тем самым растягивая её. Колеса нужно было крутить очень медленно, иначе шкура могла порваться или треснуть. Наблюдая за этим процессом, Иоланда тогда впервые ощутила, что время может менять свой ход. Вокруг что-то происходило: кухарки чистили свою посуду, мужчины разделывали мясо, она даже вспомнила сейчас, как в то время пролетала над замком птица, но в том месте, где медленно вращались колеса, казалось, ничего не менялось. Время, которое было в том месте, где стоял станок, отличалось своим ходом и наполненностью от того, которое

было у всего, что окружало этот станок. После этого наблюдения, Иоланда стала замечать случаи, когда время ускоряло или замедляло свой ход. Сейчас, когда она смотрела на безмолвных девушек, которых жгли зажиле, ей казалось время почти остановилось.

Отчаяние, отключавшее рассудок появилось вновь, поднимаясь холодной волной по позвоночнику. Чтобы избавиться себя от тьмы, в которую это чувство погружало её, Иоланда зажмурила глаза и приготовилась, насколько это было возможно, размахнуться и удариться головой о стену. Но пока она набирала воздуха в грудь, чьи-то тоненькие ручки так цепко схватили её за талию, что она испугалась и закашляла, подавившись глотком воздуха. Кто-то крепко держал Иоланду за талию, прижимаясь к её спине, и чьё-то сердце колотилось так сильно, что она слышала его как своё.

– Кто ты? – спросила Иоланда, хотя по небольшому росту, она уже догадалась, что это была одна из девочек подростков, которых пригнали сюда со всеми.

– Я Мария, – едва слышно прошептала девочка. Голос был очень слабым и совсем ещё детским. Иоланда вновь до боли зажмурила глаза, отказываясь признавать ещё одну сторону кошмара, в котором она находится. Сердце сжалось от мысли, что этому ребёнку уготована та же участь, что и всем.

– Где твоя мама? – Иоланда успела спросить, прежде, чем подумать.

– Её оставили за воротами.

Иоланда почувствовала, как голова девочки поднялась вверх.

– Она скоро придёт ко мне, – уверенным голосом сказала Мария и сильнее прижалась к Иоланде.

Места в комнате стало немного больше, оттого что некоторые падали, не выдерживая духоты, и Иоланда смогла вернуться.

– Я побуду с тобой, пока не придёт моя мама, – голос Марии был уверенным и твердым, как у взрослого, но в нём была особая нежность, которая есть только в детских голосах.

Иоланда прикусила губы, чтобы не расплакаться.

– Да, да. Конечно, конечно, – шептала она как заклинание, крепко прижимая к себе Марию.

Сердце девочки успокаивалось, и Иоланде казалось, что Мария засыпает. С каждым вздохом, воздуха становилось всё меньше, и чаще был слышен звук медленно опускающихся вниз тел. Иоланда проваливалась в подобие сна, но что-то возвращало её рассудок в эту комнату, не давая передышки. В одно из таких возвращений она услышала, как открылись двери. Зашли охранники с факелами и Иоланда увидела, как почти половина из тех кого сюда пригнали, лежит на внизу на камнях. Время вновь, для Иоланды изменило свой ход, она видела как начали выгонять обессиливших девушек в коридор, а тех кто уже не мог встать выносили за ноги и бросали в отверстие в стене откуда слышался шум волн. Иоланда слегка потрясла за плечи Марию, которая никак не хотела

просыпаться.

– Нам нужно идти, – сказала Иоланда, когда Мария подняла на неё свои сонные глаза. Иоланда крепко прижала к себе девочку, и закрыв руками её глаза, чтобы та не могла видеть бездыханных тел, быстро пошла с ней по коридору.

Их пригнали в огромное помещение, в котором эхом отзывался каждый шаг. Но пока глаза не привыкли к крошечной тьме, невозможно было рассмотреть ничего, из того, что было вокруг. Иоланда оцепенела от страха, казалось, что дыхание здесь изменило привычный ритм и затихло. Постепенно, глаза привыкли к темноте, и Иоланда различила скалу, которая служила одной из стен подземелья. Напротив, очень высоко, сквозь отверстия в стене, служившие окнами был виден слабый лунный свет.

– Неужели нас продержали «там» до ночи, – прошептала Иоланда. Усталость опустилась в ноги, захотелось упасть прямо на месте и будь она одна, то так бы и поступила. Мария по-прежнему, крепко обнимала Иоланду, и не говоря ни слова, следовала за ней, ни на шаг не отставая. Выбирая место для себя и Марии, Иоланда медленно и осторожно шла вдоль скалы, вглубь подземелья. Каждый шаг давался с трудом, и ей казалось, что она прошла целую милю, когда почувствовала под ногами что-то плотное. Это оказалась сухая трава, которая прежде уже служила кому-то постелью. Иоланда улыбнулась своей награде за долгий и длинный день. Она опустилась на своё новое ложе, крепко прижала Марию

к себе, закрыла глаза и мгновенно провалилась в забытье.

Ей казалось, она спит и не спит одновременно. Всего несколько дней научили её спать наполовину: чтобы всё слышать, и подниматься по любому подозрительному шуму. Вот и сейчас, ей казалось, что она спала, но в голове как наяву, возникали события последних дней.

Вот она в спальне одевает на себя несколько платьев, которые пригодятся в дороге и на первое время. Вот она в повозке, среди пустых бочек, переезжает короткий мост отделяющий замок от всего мира. Вот лес где она спрыгнула с повозки и пошла по дороге одна. Дальше длинная, длинная дорога ведущая в Вильнёв, где она надеется пожить первое время, а потом перебраться в дальнюю деревню, где её никто никогда не найдёт и не узнает. А вот...

Она ощутила удар и мгновенно села на своей «постели». Иоланда испуганно озиралась по сторонам не в силах поверить, что это оказалось всего лишь сном. Этот сон вернул её в ту ночь, когда она уснула под деревом и проснулась от удара сапога в живот. Её в лесу нашли какие-то солдаты... «Это только сон», – успокоила себя Иоланда. Мария лежала рядом, свернувшись, как котёнок в клубок и сладко посапывала, словно постелью ей служила не сухая трава в подземелье, а тёплая постель её дома. Иоланда погладила девочку по голове, легла, и едва закрыв глаза, вновь оказалась в мире снов.

Вот её ведут как преступницу. Солнце уже встало, дорогу хорошо видно, но она не понимает, куда её ведут и что с ней

будет. С ней не разговаривают, а только подталкивают чем-то тонким и острым в спину. Дальше, бесконечно длинная дорога, без отдыха, еды и воды. Вот уже город Вильнёв и огромная площадь. Десятки несчастных девушек стоят у столба в центре, они напуганы и жмутся друг к другу. Вокруг толпа безумных горожан, которые кричат ругательства, бросают камни и гнилые овощи в девушек. Её почему-то ставят к тем несчастным, что стоят в центре площади.

Удар по спине.

Иоланда вновь очнулась ото сна и села. Она обхватила себя за колени, усталость ещё осталась, и по-прежнему хотелось спать, но кошмары, преследовавшие её во снах, породили в ней страх мешавший уснуть. Иоланда боялась закрыть глаза и оказаться во времени, куда возвращаться совершенно не хотелось. Она поднялась и придерживаясь рукой за стену, пошла в сторону, откуда они пришли.

Едва различимые силуэты девушек создавали жуткое зрелище полутеней в подземелье. Некоторые стояли, прислонившись к стене, некоторые сидели на полу у огромных столбов. Иоланда осторожно обходила всех, всматриваясь в темноту. Никто не издавал ни звука, даже дыхания не было слышно, только плеск волн за толстыми стенами замка нарушал тишину их темницы. Её босые ноги ступали по каменному, ледяному полу, который обжигал своим холодом, но она не замечала его. Иоланда всматривалась в лица, но кроме силуэтов, невозможно было что-либо увидеть. Глядя на тех,

кто стоял, Иоланда поражалась, как у них остались силы, ведь их всю дорогу, как собак гнали охранники.

– Садись, – вдруг услышала Иоланда знакомый голос. Этот голос она слышала на мосту: «Смотри на землю, не останавливайся!». Иоланда послушно опустилась, и ей потребовалось усилие, чтобы разомкнуть свои зубы, оказалось, что они были плотно сжаты.

– Нужно отдохнуть, неизвестно, насколько нас здесь оставят, – вновь услышала Иоланда.

Она хотела что-то ответить, но промолчала, не хотелось прикасаться к ужасу их положения даже словами. Иоланда легла рядом с девушкой и ощутила, каким слабым было тепло её тела, словно жизнь уже начала медленно уходить проч. Она мгновенно провалилась в забытьё. Усталость, страх, неизвестность, пережитый кошмар последних дней, этот клубок, никак не давал погрузиться в сон. Едва закрыв глаза, Иоланда вновь и вновь заново смотрела сцены последних событий.

1348 год, 01 сентября, Вильнёв, Графство Савойское

Ей кажется, время остановилось, и только непрекращающиеся оскорбления, крики злобных мужчин, женщин и детей дают ощущение, что жизнь продолжается. Кошмарная, чуждая ей и непонятная жизнь. Иногда толпа орущих горожан расступается, и тогда к ним подгоняют новых жертв. Все

они юные, молодые девушки. Вот она уже закрыта от толпы рядами тех, кого пригнали после неё.

– Почему нас держат здесь? – Иоланда наклонила голову, и спросила у той, что стояла справа. Ей оказалась совсем юная девочка, черноволосая, черноглазая и очень красивая. «Ей не больше десяти!» – подумала Иоланда, рассматривая её лицо.

– Они решили, что мы отравили воду в колодцах, – тихо услышала она ответ.

– В каких колодцах? – не поняла Иоланда.

Девочка едва заметно улыбнулась.

– Которые копали наши отцы и деды.

– Зачем? – спросила Иоланда, сама не понимая, о чём она спрашивает. Чем дальше, тем более непонятным и абсурдным кажется всё, что с ней происходит. «Какие колодцы! Причём здесь этот ребёнок? Она сама, какое отношение имеет к этим колодцам!»

– Они умирают от чёрной смерти и винят в этом нас, – также тихо продолжала девочка.

– Кого Вас? Девушек?

Девочка вновь улыбнулась, и это показалось Иоланде странным. «Наверное, она не в себе. Улыбается, как будто есть над чем улыбаться». Иоланда уже хотела сделать шаг в сторону или назад от этой странной соседки, но услышанное, остановило её.

– Евреев. Они сожгли наши дома, убили отцов и братьев,

а нас долго держали в яме.

Только тут Иоланда увидела, что одежда многих из тех, кто стоял рядом, была в земле.

– Теперь они придумали нас сжечь.

– Что?! – Иоланда захлебнулась своими словами.

– Не кричи!

Она ощутила, как кто-то с силой толкнул её в бок.

– Не нужно кричать, они не достойны наших криков, – услышала она тихий шепот девочки.

– Как сожгут? – сердце Иоланды заколотилось с такой силой, что её всю затрясло как в лихорадке.

– Как сожгут? – она посмотрела по сторонам и вцепилась в руки девушки стоящей слева. Но вместо ответа получила лишь взгляд, который был красноречивее любых слов. Она увидела глаза полные гордости, достоинства и смирения со своей участью. Иоланда зажмурилась до боли, в надежде открыть глаза и очутиться в другом мире.

1348 год, 08 сентября, Замок Шильон, Графство Савойское

На этот раз, она проснулась от сильного удара в бок, и это не было сном. Удар был такой силы, что ей стало трудно дышать. Она не сразу сообразила, где находится. Этот удар вырвал её из забытья и прежде, чем она успела что-либо сообразить, последовал новый, уже в живот.

– А ну-ка, поднимайся немедленно! – и ещё один удар. Корчась от боли Иоланда попыталась встать, и если бы кто-то не подхватил её, она бы упала.

Им принесли еду, если можно называть едой измельченный, как для кормления птиц хлеб, раздавленные, полусырые овощи и объедки. Кто-то прямо из ведер выбрасывал еду на пленниц. Девушки стояли, прижимаясь, друг к другу и к стенам. Было утро, сквозь отверстия наверху солнце освещало огромный зал подземелья Шильона, где они провели три последних ночи.

– Жрите, твари! – крикнул охранник, закрывая за собой дверь.

Их кормили, полагая, что они ждут когда им принесут еду, но никто из девушек не прикоснулся к тому что было выброшено на пол.

– Они совершенно не могут отличать людей от свиней, – услышала Иоланда за своей спиной глухую усмешку. Она хотела опуститься на камни, но мысль о Марии удержала её. Иоланда попыталась сделать шаг, но боль от удара согнула её и ноги отказались подчиниться, падая она ощутила поддержку знакомых тоненьких рук.

– Мария, – Иоланда прижала к себе девочку и ощутила огромную радость. Мария села рядом и положила голову на колени Иоланды.

– Поспи, девочка, поспи, – шептала Иоланда. Она гладила девочку по волосам, и слышала, как та засыпает тихо поса-

пывая.

1308 – 1326 годы, Замок Шильон, Графство Савойское

Бабке Иоланды, Джоанне, было пятьдесят семь лет и она была полна энергии, силы и красоты. Маленькая, сухая, подвижная, с цепкими глазами, в которых вместо зрачков вставлены свёрла. Они проникают в самое сердце, и если позволить себе хоть на секунду, ослабить бдительность и довериться ей, эти свёрла просверлят насквозь, прочитав самые потаённые мысли и высверлив всё живое и тогда она будет пользоваться тобой полновластно. При своем небольшом росте у неё была поистине королевская осанка, которая усиливала мысли о её влиятельности. Кажется, она не умеет склонять голову даже для того, чтобы пройти в низкие двери своей спальни.

Джоанна впервые оказалась в замке, когда ей едва исполнилось семнадцать, потом она ненадолго переехала в Бриансон к кузену, но в 1326 году вернулась вновь, и уже больше не покидала это укрытие. Шильон служил ей идеальным местом, для плетения бесконечных интриг. Брат Филиппо и кузены редко навещали её, но уединение здесь, несколько не мешало ей весьма существенно вмешиваться в политические и любовные дела своих родных. Почти все её родственники жили в Италии, и потому считали, что окрестности Альп, из-за холода непригодны для проживания. Но ду-

мается, что это отравленный Джоанной воздух, казался им несовместимым с жизнью, а вовсе не климат.

Девушки её происхождения обычно заранее знают, чьей женой им предстоит стать. Но у Джоанны сложилось иначе. Отец долго не мог решить, в чью пользу сделать выбор. С одной стороны, нужно было расширять и укреплять связи на западе, и тогда это означало брак с кем – либо из семьи Бурже. С другой стороны, не более важным было и создание связей в северных землях, но там не было достойного кандидата. Впрочем, едва Джоанне исполнилось четырнадцать, её судьба, решилась внезапно. Пришло известие о том, что Жан де Шалон-Арле сеньор д'Арле, овдовел. Отец Джоанны немедленно отправился навестить его. Он никого не посвятил в свои планы, но Джоанна со своей матерью, красавицей Агнесс, надеялись на скорое заключение брака и с нетерпением ждали его возвращения. Они обе надеялись, что вскоре Джоанна последует воле отца и станет женой того, кого он для неё выберет. Так было всегда, женщины её рода были инструментом для укрепления связей. Через неделю отец вернулся, и не сказав ни слова супруге и дочери, заперся в своём кабинете со своими братьями. Как ни пыталась Агнесс услышать о чем, говорят мужчины, она ни чего не смогла узнать, прислонённое к закрытым дверям ухо, ничего не воспринимало. Только вечером мать и дочь смогли понять какое решение было принято. Анна которая была, как надеялась Агнесс только помощницей её мужу, а для Джоанны

служанкой, и надсмотрщицей, стала укладывать вещи Джоанны. Мать и дочь догадывалась, что происходит, но не было никого, кто бы хоть что-то сказал о том, куда и когда отправиться Джоанна. Анна, которая и прежде была немногословна, в тот вечер не проронила ни слова, а губы её были так напряжённо сжаты, что Джоанна долго не решалась ничего спросить.

В детстве, от старой служанки, которая изредка подменяла Анну, Джоанна слышала историю об одной своей родственнице, которая приходилась кузиной её бабке. Служанка очень любила эту историю, и каждый раз рассказывала её так, как будто проживала жизнь героини сама. Это была история любви, о том как девушка из рода Женив, вышла замуж за графа Труа по большой взаимной любви. История была насыщена подробностями их тайных свиданий и поцелуев. После женитьбы они жили уединённо, где-то на севере, тайно, в Графстве Суассон. С каждым годом, чем старше становилась служанка, тем большими подробностями наполнялась эта история и тем более раздражала Джоанну. Она считала эту историю выдумкой и фантазией, созданной специально для того, чтобы злить Джоанну, которой никак не могли партию. Но в тот день, когда Анна укладывала её вещи в сундук, Джоанна вспомнила про эту историю и спросила Анну, правда ли это? Анна долго и внимательно смотрела на Джоанну, а потом сказала: «Думаю в ближайшие несколько лет, ты не увидишь своего мужа, поэтому не забивай себе

голову глупостями. Оставь это слугам».

К удивлению Джоанны она никуда не поехала ни на следующий день, ни через день. Вскоре сам отец куда-то уехал, а через неделю после отъезда, Агнесс сообщила Джоанне, о его внезапной смерти. Джоанна никогда не спрашивала, что с ним случилось, где и как он умер, она была далека от сантиментов.

Мать Джоанны, красавица Агнесс, не имела других детей. Для неё даже одного ребёнка было много, она совершенно не принимала участие в воспитании дочери. Отец Джоанны был в постоянных отъездах, а Агнесс часто переезжала с места на место к своим многочисленным родственникам. Она умудрялась их очаровывать настолько, что те не возражали против её длительного пребывания в их домах. Джоанна совсем не помнила, чтобы мать когда-либо говорила с ней наедине, её детская психика сформировала исковерканный образ матери: женщина, которая никакого отношения к ней, маленькой девочке не имеет.

Джоанну воспитывала Анна, которая разговаривала с ней только в процессе обучения и нравоучения. В остальное время, она молча находилась рядом сложив руки на своей пышной груди. Дни Джоанны проходили в тишине, и не зная другого, она считала это нормой, которую тщательно соблюдала. Слуги были единственными людьми, в её окружении, которые общались меж собой без всякого повода, просто так, по желанию. Но поскольку с ними, как с недостойными, было

запрещено разговаривать, то их общение, между собой Джоанна считала не нормой, а следствием их недостойности.

Сложно сказать, что в Джоанне было её собственной сущью, а что результатом воспитания. Она росла в послушании, покорности и немногословности, в их семье, являлись недопустимыми любые проявления чувств и эмоций. Впервые она поняла, что можно смеяться в голос, когда ей было чуть больше десяти лет. Тогда она с семьёй приехала навестить своих кузенов в Sembrancher, там её многочисленные кузены бегали по саду, смеялись, кричали и обливали друг друга водой. Никогда не видя ничего подобного, Джоанна решила, что они ненормальные и на всякий случай ушла подалее в сад, чтобы её папа и мама не подумали, что она тоже принимает участие в этом безобразии.

Джоанна невозмутимо принимала любые решения отца, которые касались её напрямую или косвенно. Она была убеждена, что должна неукоснительно следовать плану и замыслу отца, а когда тот выберет ей мужа, то власть над ней перейдёт к нему. Она никогда не позволяла признаваться себе в своих чувствах, и казалось сами чувства отсутствуют в ней. Джоанна научилась жить в противоречивости проявления своих чувств: с одной стороны, она признавала, что нужно быть покорной мужчинам, и принимала, что они могут распоряжаться ею. С другой стороны, была абсолютная холодность ко всем остальным, включая мать. Эти противоречия создавали жёсткий и отталкивающий образ Джоанны.

Взрослые родственники всегда сторонились её, а дети отказывались с ней играть. Она не знала, что такое слёзы, и считала их средством глупой манипуляции, и если ей случалось видеть мокрые глаза прислуги, она раздражалась и приходила в негодование.

В 1308 году, Джоанне исполнилось семнадцать. Она не была красавицей с ума сводящей, скорее наоборот, при первом взгляде на неё, возникало чувство близкое к жалости. Но это только при первом взгляде, а чуть присмотревшись в её чертах, обнаруживалось нечто притягательное, что хотелось распознать и дать этому название. Линии её лица были неправильными и острыми, и именно поэтому до определённой степени её хотелось рассматривать. По причине, до конца не понятной, ни её матери, ни тем более ей самой, к своим семнадцати годам она не была помолвлена, поэтому мать считала её обузой и всё более отдалялась от Джоанны. Они часто выезжали вместе по приглашениям, но каждый раз, узнавая о благополучных браках одной из родственниц Джоанны, они возвращались с бОльшим чувством холода в отношениях. Агнесс винила Джоанну в том, что не может выдать её замуж, а та в свою очередь не могла простить матери её желание избавиться от неё, холодность переросла во взаимную ненависть и та росла между ними как ком снега, изредка останавливаясь в размерах, обе мечтали о скором избавлении друг от друга.

Однажды осенью, Лорды Компии устроили большой празд-

ник, по случаю сбора первого урожая со своих новых виноградников. Урожай превзошёл все ожидания и по количеству и по вкусу. Семья Компти почитала своё дальнейшее родство с Гильермо Конди, который приходился прадедом Джоанны, и потому они часто приглашали Агнесс с дочерью к себе в Эгль. Агнесс, в надежде хоть как то устроить судьбу своей дочери, с радостью принимала эти приглашения, Компти всегда собирали многочисленных гостей.

К назначенному дню Агнесс и Джоанна прибыли в Эгль. Агнесс надеялась, что здесь ей удастся найти пусть неподходящую, но уже любую партию для своей дочери. Но чаяниям её не суждено было сбыться, судьбе было угодно, отправить Джоанну в Шильон, несмотря на скрежет зубов Агнесс. А случилось вот что: к концу второго дня на праздник неожиданно приехал уже не молодой граф Амедей. Он сразу обратил своё внимание на Джоанну и не отходил от неё ни на шаг. Учитывая особенности внешности и скованность Джоанны, внезапно возникший интерес графа казался совершенно непонятными и конечно, это не могло остаться незамеченным. Красавица Агнесс открыто высказала дочери своё недовольство проявленным вниманием графа, а Джоанна, словно стремясь отомстить матери за всё её равнодушные старалась показать себя во всей красе, не понимая опасность от вольности флирта с графом. Глядя на неё, казалось, что она воспроизводит все приемы очарования мужчин замеченные ею где-либо. Со стороны такое поведение казалось

смешным, но её это нисколько не смущало, она чувствовала себя частью вселенной, к которой повернулось солнце.

Графу к тому времени было почти шестьдесят, он был неутомим во всем, что наполняло его жизнь радостью: политика, состязания, охота, праздники, женщины, и конечно его собаки. Вспыхнувшая страсть к Джоанне на время затмила прежние, и он привёз её в Шильон, в одну из своих крепостей, что стояла на пути из Южной части Европы в Северную.

В первую ночь, когда он начал прикасаться к ней, Джоанна, не понимая как отвечать на его прикосновения, сжала челюсти так, что желваки проступили огромными буграми на её щеках. Джоанна понимала, он может делать с ней всё что пожелает, но она никак не ожидала, что его прикосновения окажутся неприятными, грубыми и будут причинять боль. Она подчинялась ему, оставаясь холодной и сжатой как пружина. Он говорил ей какие-то слова, но её лицо оставалось непроницаемым, а тело неподвижным. Тогда он закрыл её рот своей огромной ладонью и навалившись всем телом, впился в самое неподходящее место чем-то острым, грубым и твёрдым. Если бы он не зажал её рот, то крик Джоанны был бы далеко слышен. Боль, стыд, внезапность и рвотные спазмы, соединились, и разрывая глазницы, пытались выйти наружу. Горели свечи, и она могла видеть отвращение на его лице. Он смотрел на неё как на что-то мерзкое и жалкое. Джоанна запомнит этот взгляд на всю жизнь. Она не пони-

мала, что он сделал с ней. Боль внизу, в том самом месте, которого она никогда не касалась, была острой, а он смотрел на неё и упивался своей властью над нею. Потом он издал странный звук, похожий на рык и начал двигаться. Напрасно она думала, что самое страшное, когда она почувствовала боль внизу, было позади. Самое ужасное началось, когда он стал двигаться и вонзать в неё своё «что-то» снова и снова. От ужаса она не могла закрыть глаза и поэтому видела, с каким лицом он совершал свои движения. Джоанне казалось, что он мстит ей за что-то, пронзая её до самой глубины. Каждый раз, он как будто вбивал в неё клинья с неистовой силой. Её показалось вечностью, то время, когда он был на ней и вбивал, вбивал, вбивал. Тогда она решила, что умрёт на этой самой постели. Но она осталась жива, а он когда закончил свои движения, с нечеловеческим стоном упал с неё. Она осталась лежать неподвижно, не зная, что теперь делать. Унижение, разочарование, боль, стыд, бессилие и слабость наполнили её. Когда она услышала, что он захрапел, она захотела встать, но не смогла, потому что вновь испытала боль внизу, между ног. Он истерзал её, и она не знала, что теперь делать. Морщась от боли, она медленно встала, сняла с себя одежду, скрутила её в комок и выбросила в огонь. У камина, на лавке лежали чистые одежды, кто-то словно знал, что они понадобятся Джоанне. Всё ещё испытывая боль, она одела их, подошла к кровати и села на самый край. Она стала рассматривать графа, изучая каждый дюйм

его тела. У него был шрам на лице, он начинался с середины левой щеки и тянулся к самому подбородку. Он не был красавцем, но тело его было прекрасно, белая кожа, могучие плечи, немного светлых волос на груди. Живот его тоже украшал шрам над самым пупком, а ниже... Она вновь ощутила приступ тошноты, закрыла глаза и отвернулась, чтобы не видеть то, что было ниже. «Этим он терзал меня? Чем-то маленьким и волосатым!». Тошнота стояла комом в горле, и она побежала к окну. Её впервые в жизни рвало, выворачивая наизнанку. Она стояла у окна, и тряслась так, что было слышно, как стучат её зубы. Когда рвота закончилась, она согнувшись почти в половину от спазм в животе подошла к камину, сняла одежды, испачканные рвотой и выбросила их в огонь. Она осталась обнажённой и подошла совсем близко к камину, чтобы согреться, ей казалось, что её трясёт от холода. Дрожь не унималась, она опустилась на пол, перед самым огнём и сжалась в комок. Но огонь не согревал её, Джоанна обжигала кожу, не чувствуя при этом тепла. С этой ночи, до конца своих дней, она запрещала разжигать камин. Так не уняв дрожь, она трясаясь и стуча зубами, подошла к скамье, одела ещё одно чистое платье, и не глядя на того кто храпел в кровати, легла с самого краю и мгновенно провалилась в сон. Такой была её первая ночь в замке. После этого было ещё несколько подобных ночей, в которых она терпела близость с мужчиной, радуясь впрочем, что нестерпимая боль и рвота больше не повторялись.

Однажды утром, когда она только вышла из спальни, наместник сообщил ей, что граф уехал, а она должна оставаться здесь. Проведя с Джоанной в своём замке несколько дней, граф Амедей покинул его, не сказав ей ни слова. Она никак не выразила своих чувств к столь бездушному отношению к ней и вела себя так, как будто ничего не произошло. Впрочем, для Джоанны на самом деле никаких особенных перемен не случилось, сменилось только место жительства, а к бездушию и холодности она привыкла в родительском доме. Там, находясь под одной крышей, они с матерью могли не разговаривать друг с другом несколько дней подряд. В доме её родителей слуги слышали от своих хозяев больше слов, чем сами хозяева друг от друга.

С того праздника в Эгле, она жила в Шильоне, редко покидая его. Граф надолго забыл о ней, словно её не существовало вовсе. Что до Джоанны, то она старалась не вспоминать свои первые дни, точнее ночи, в замке. Они стали для неё тем кошмаром, который следовало забыть.

Позднее, когда Амедей приезжал в замок, он иногда навещал Джоанну, которая при каждой встрече неизменно оставалась равнодушной ко всему, что граф говорил и делал. Это равнодушие выводило его из себя, и он не понимал, живая она или нет: ни одной эмоции, ни одной реакции, ни каких желаний, и при всём при этом, лёд и снисхождение в глазах, впрочем, со временем граф совсем забыл о ней.

Тогда осенью, когда он привёз её в замок, она зацепила его

своей лёгкостью, с которой флиртовала с ним на празднике, своей непосредственностью, желанием смешить и радовать его. Молодость Джоанны зажгла в нём страсть, а её смешное поведение забавляло и веселило графа. Для него останется загадкой, как могла с ней случиться такая быстрая, внезапная и разительная перемена в те несколько дней, которые он провёл с Джоанной в замке. На его глазах она превращалась из лёгкой и беспечной юной девы, в холодное и безжизненное нечто.

Спустя несколько месяцев, после того как граф привёз Джоанну в замок, она начала замечать перемены в себе. После полудня появлялась усталость, ноги отекали, живот увеличивался в размерах, а ограничения в пище не давали никакого результата. Вот тут, она вспомнила бредни старой няньки, которая говорила о том, что большой живот как-то связан с появлением ребёнка. В замке, где её оставил граф, она ни с кем не общалась. Со слугами она не разговаривала вообще, а равных по положению ей в замке не было.

С того дня, как она связала для себя появление ребёнка и свой растущий живот, всё своё время Джоанна стала проводить у окна в ожидании первенца и гадая, как он может появиться из живота.

Роды начались ночью. Люди, ранее ей незнакомые, вошли в комнату, как только услышали её первый стон. Обезумев от боли, она не могла понять, что с ней происходит. В перерывах между приступами яростной боли она искала глазами

нож, которым ей должны были разрезать живот, чтобы извлечь оттуда младенца, но нигде его не видела. Она подумала, что с ней решили покончить и поэтому не делают ничего, что могло бы облегчить боль. Вместо того чтобы разрезать живот и достать ребёнка, её подвергают мукам адовым. Теряя последние силы, она молила о помощи и прощалась с жизнью.

– Мальчик, – услышала Джоанна чей-то голос. Она решила, что всё-таки умерла и теперь очнулась в раю, потому что боли больше не было.

– Мальчик? – она повторила и увидела добродушное лицо старушки, которая была с ней рядом во время чудовищных мук. Взгляд Джоанны переместился на маленькое синее существо в руках старушки и она ужаснулась. Она вжалась в подушку головой насколько смогла и зажмурила глаза. Она попала не в рай, где у неё родился мальчик, а в ад, где ей вместо мальчика показывают какого-то синего уродца. У него из живота торчит кровавая верёвка, а те кто стоит рядом с ней, вместо того, чтобы ужасаться, улыбаются и поздравляют её.

Постепенно, Джоанна стала приходить в себя и поняла, что она вовсе не умерла, она всё ещё здесь, в замке. И в момент осознания того, что она жива, с ней что-то произошло. Она вдруг поняла, что она стала матерью возможного наследника. Она открыла глаза и услышала мягкий голос старушки, которая наклонилась прямо над ней:

– Ещё немного, – мило прошептала старушка, и надавила Джоанне на живот так, что та от боли потеряла сознание.

В следующий раз, когда она открыла глаза, в комнате была только кормилица со свёртком на руках. Джоанна медленно встала, голова её кружилась, всё тело болело, и не сделав ни единого шага, она бессильно опустилась на кровать. Кормилица поспешила подойти, молча, протянула Джоанне свёрток и отошла в сторону. Внимательно глядя на маленькое личико внутри свёртка, Джоанна спросила: «Мальчик?». Кормилица ничего не ответила, но с улыбкой кивнула. Джоанна велела ей выйти и оставшись один на один, со своим сыном она долго смотрела на его милое, уже не синее, а розовое, кукольное личико. Насмотревшись на то, что было видно, она развернула свёрток и увидела всего младенца, это было первый раз в её жизни. Это был действительно мальчик, между его ног было совсем не то, что у неё, там было нечто похожее на то, что она видела единственный раз в жизни, в её первую ночь в замке, у отца своего ребёнка.

С этого дня её жизнь была наполнена только сыном. Все свои дни, каждую свою минуту, она проводила с ним. Она отказалась от нянек, помня своё ужасное и молчаливое детство. Впервые она ощутила потребность говорить и улыбаться. Впервые она стала узнавать, какие радости может дарить жизнь. Впервые она могла не спать ночами, только потому что не могла даже взглядом расстаться с сыном, он стал её смыслом. Она назвала его Бери.

Вскоре после того, как сыну исполнился год, в замок приехали её кузены и сообщили, что Агнесс умерла. Она так и не увидела своего внука. Джоанна не задала ни одного вопроса, не испытала ни тени расстройства или сожаления. Скорей наоборот была рада, что теперь она стала единственной женщиной, которая может и носит звание матери, и никто больше не будет напоминать ей о её никчёмности. Кузен Джоанны, Филиппо пригласил её с сыном к себе, в Бриансон, и она не особо сопротивляясь, распорядилась немедленно собрать вещи и отбыла в тот же день.

Следующие шестнадцать лет мало чем отличались друг от друга. Размеренная, выверенная до мелочей жизнь съедала долгие дни, переваривая их в короткие годы.

Однажды зимой, к ней приехали с письмом из Шильона, в нём было требование незамедлительно прибыть в замок с Бери. Оказалось, что ему нашли невесту, и нужно было готовиться к свадьбе. С тех пор, она ни на один день не покинула стены замка.

Здесь прошло празднование свадьбы её сына. Здесь, Джоанна впервые испытала ревность и узнала, что это чувство съедает заживо. Джоанна возненавидела свою невестку с первого дня, как только увидела, с каким интересом смотрит на неё Бери. Здесь же, наступил тот день, когда небо избавило её от ненавистной невестки, подарив внуку Иоланду, которая во всем напоминала свою мать, и ничем совершенно, не была похожа на её сына.

1330 год, декабрь, Замок Шильон, Графство Савойское

Зима 1330 года, во всей Европе свирепствовала вопреки предсказаниям. Жестокие морозы проникали сквозь могучие стены внутрь, наполняя замок холодом. Каменные стены словно бумажные, пропускали внешнюю стужу внутрь, но несмотря на жуткий холод, Джоанна запрещала разводить огонь в камине. Она не любила огонь, солнце, как и многое другое, что дарило тепло и свет. В эту зиму Мария, жена Боро, должна была родить мальчика, которого Джоанна видела правой рукой своего сводного брата.

Мария, была полной противоположностью Джоанны: весёлой, лёгкой в общении и очень подвижной. Родом она была из солнечной Италии, и энергия солнца впитанная с рождения, выплёскивалась жизнерадостным смехом, задором в глазах, громким, звонким голосом и любовью которой от неё буквально веяло. Прожив в замке чуть больше года, она так и не смогла привыкнуть к холоду, который её окружал повсюду: снаружи, падая хлопьями снега на камни, внутри, где было запрещено разводить огонь, и в отношениях, в которых презирали улыбки, разговоры и добрый нрав. Вскоре после замужества Мария потеряла всех своих родных, в течение несколько месяцев, их одного за другим унесла чума. С детской наивностью она рассчитывала на поддержку своей новой родни, но вместо сочувствия встреча-

ла осуждение и презрение. Джоанна, видя растущее увлечение сына Марией и их сближение, старалась как можно чаще отправлять Бero дальше от замка, и его поездки занимали по нескольку месяцев. Мария же оставаясь одна, угасала с каждым днём. Когда начались роды, Бero был в очередном отъезде, а рядом с Марией находилась старая нянька и Джоанна, которая запрещала издавать даже малейший звук. Она вставила между зубов Марии палку и держала её до тех пор, пока ребёнок не появился на свет. Мария не узнала, кто у неё родился. Потеряв сознание, она так и не пришла в себя, умерев от кровопотери.

Появление на свет внучки было для Джоанны событием, ровным счётом ничего не значащим. Она хотела рождения внука, но в душе злорадно ожидала девочку. Внука ей могла родить другая невестка, а вот рождённая девочка станет поводом вечных укоров невестки. В своём неприятии невестки, ей был важен любой повод, чтобы унижить и оскорбить ту, что покорила сердце её единственного, горячо любимого сына.

Джоанна ждала внука, как надежду на продолжение Анжуйской династии, но получив девочку вместо мальчика, быстро переиграла свои планы и решила воспитать девочку так, чтобы в нужное время, её можно было использовать как инструмент для открывания нужных дверей. Воспитание внучки её не интересовало, как и сама внучка.

Годы шли, и за бесконечными интригами и стремлением

укрепить своё положение, Джоанна не заметила, как единственный родной и близкий ей человек, маленькая девочка Иоланда, выросла. Не заметила она и того, что внучка стыдилась её поступков и мыслей, которыми та щедро делилась с Иоландой. Джоанна была абсолютно уверена, что власть над девочкой принадлежит только ей, и чувствуя как Иоланда боится её гнева упивалась своей властью над ребёнком. Она даже не сомневалась в том, что Иоланда будет гибким инструментом в её цепких руках. Джоанна не замечала, как с каждым днём Иоланда всё более отдаляется от неё. Они могли не встречаться и не разговаривать по нескольку дней, и это было нормой для Джоанны, но именно это дало возможность юной Иоланде узнавать жизнь самостоятельно, общаясь с жителями замка и слугами. Она научилась прятать свой игривый и задорный нрав так, что Джоанна даже не догадывалась, какой веселой и озорной может быть её внучка. Время шло, и когда расстояние между ними стало непреодолимым, у Иоланды исчез страх перед бабкой. И уже не имело значения, что с нею станется в случае гнева Джоанны, она её не боялась. Иоланда стала от неё свободна – слишком большая пропасть пролегла между ними, и никому из них было не по силам её преодолеть.

1348 год, 07 сентября, Замок Шильон, Графство Савойское

Шум волн не давал Иоланде уснуть. С каждым ударом волны Иоланде казалось, что вскоре волны разобьют эти проклятые стены. Огромная, каменная глыба, выпирающая из стены, служила подушкой для Марии и Иоланды. Пока Мария спала, Иоланда слушала волны, и чтобы чем-то занять себя, искала смысл в их шуме. Волны одна за другой обрушивались к подножию замка и на мгновение затихали, в этот миг тишины Иоланда могла слышать звук падающих от куда-то сверху капель. «Одна, две, три» – успевала сосчитать Иоланда, прежде чем, очередная волна разбивалась о стены замка. «А ведь волны это те же капли!» – неожиданно для себя самой воскликнула Иоланда. «Всю силу и мощь этих волн, несут в себе обычные капли. Капли соединившись с друг с другом обретают огромную силу, способную перевернуть лодку», это открытие так удивило Иоланду, что она встала и подошла близко к стене, которая отделяла ее от воды. «Здесь, в подземелье, у капли одна цена и значение, а там, где вольная стихия управляет тысячами капель как одним организмом, роль и ценность каждой, совсем иная». Очередная волна разбиралась о стены, и Иоланда начала считать: «Одна, две, три. Удар. Похоже на медленную музыку для такого огромного великана, что паузы для него незаметны». Впервые, за последние дни Иоланда улыбнулась, ей стало весело от услышанной музыки воды. «Капли таят в себе силу того простора, из которого они выходят и каждая капля знает, что вернётся туда, на свободу,

а её возвращение, это лишь вопрос времени... одна, две, три, удар!», – Иоланда улыбнулась. «Капля обретает одну ценность, когда отрывается от других, а стоит ей слиться с сотнями, таких как она, и ценность эта меняется, становится другой, будто и не капельной вовсе». Одна, две, три, удар! «Только в слившись с другими, обретает она силу и только став единственной проявляется её суть». Иоланда стояла между стенами замка расставленными широко друг от друга, и высоко подняв голову, смотрела на слабый свет в отверстиях, что служили окнами. «Уже вечер», – проговорила она и услышала нежный голос Марии:

– Почему ты встала?

– Я не могла заснуть, – тихо ответила Иоланда и подошла к девочке.

– Полежи со мной, с тобой теплее, – Мария улыбнулась Иоланде и совсем слабо потянула её за руку. – Ты улыбаешься? – Мария заметила на лице Иоланды улыбку.

– Я слушала капли и волны, они бушуют там, – Иоланда показала рукой на противоположную стену.

– И что? – с интересом спросила Мария.

– И услышала музыку. И узнала про капли, что они ... – Иоланда остановилась.

– Что они?

– Что они не умирают когда разбиваются об этот каменный пол.

– Конечно капли не умирают! – твёрдо сказала Мария

и сильнее потянула Иоланду за руку. – Ты говоришь смешно, как мой дедушка. Как капля может умереть! – Мария тихонько засмеялась, и от этого тихого смеха Иоланде тоже захотелось смеяться.

– Давай мы будем об этом помнить, – радостно и задорно, словно не было вокруг каменных стен, сказала Мария.

– Давай мы будем об этом помнить, – в тон ей ответила Иоланда.

Они прижались друг к другу и заснули. Когда было уже темно, Иоланда проснулась вновь, ей захотелось повернуться на другой бок, но еда она приподняла тело, как ледяной воздух мгновенно заполнил освободившееся пространство. Не в силах переносить этот холод она вернулась в прежнее положение. За время, проведённое на своем каменном ложе, она научилась экономить своё тепло. Лучше оставаться некоторое время неподвижной, и свернувшись в комочек, трястись от холода, тогда тепло сохранится дольше. «Если бы только тело, не затекало!».

Сколько себя помнит, Иоланда не могла долго переносить холод, который могла совершенно не замечать её бабка. Несмотря на запреты Джоанны, Иоланде нравилось проводить время на кухне, рядом с горячими печками. Там она оттаивала, согревалась, могла говорить со слугами и смеяться.

Несмотря на свою усталость, она никак не могла заснуть из-за сковавшего холода. Обессилившая, голодная, промёрзшая до самых кончиков волос, она перебирала в голове фраг-

менты её последних дней в замке.

1348 год, 01 августа, Замок Шильон, Графство Савойское

В честь приезда своего брата, барона Луи, граф Амедей устроил большой прием, и по этому случаю в замок съехались гости. В центральном зале накрыли длинные столы, которые сплошь уставили едой и напитками. Приглашенные музыканты сменяли одних других, шум веселья нарастал постепенно. Еда и напитки не кончались, веселье затянулось далеко за полночь, вино и музыке тоже не было конца. Многие уже спали, положив голову прямо на стол. Джоанна сидела справа от графа Амедея и следила своими цепкими глазами за всем, что происходило в зале. Давно уже в замке не устраивали большие приёмы, и Джоанна привыкшая ложиться спать прежде, чем звезды начинали озарять небо, сейчас уставшая, поддерживая голову руками, силилась не уснуть. Иоланда, наоборот, полная сил, раздурмяненная от быстрых танцев, не уходила из середины зала. Она танцевала, принимала участие во всех играх, пела, хлопала в ладоши и веселилась, как может веселиться беззаботная молодость. В зале разместилось два разных мира: за столами один – хмурый и мрачный, второй молодой, веселый и резвый в центре. Музыканты начали новую мелодию, и Иоланда с кузинами взявшись за руки закружились в резвом танце. Музыка еще лилась, когда Иоланда услышала хлопки в ладо-

ши. Музыканты смолкли, девушки остановились, и Иоланда увидела дядю, возвышающегося над столом

– Всем спать, – крикнул он своим громовым голосом. Иоланда не заметила, что произошло, но от взгляда Джоанны не укрылось, когда слуга принес графу записку, после которой тот внезапно прервал веселье. Гости спешили покинуть зал, охранники выносили из зала тех, кто уже уснул, привычно поднимая их на руки. Иоланда тоже направилась к выходу, но ее поймала за руку Джоанна и прошипела в ухо: «Стой здесь!». Иоланда посмотрела на дядю: в глазах его была решимость, противостоять которой совершенно не хотелось, она попыталась вырваться из рук бабки, но та до боли сжала её руку и Иоланда подчинилась. Пристально наблюдая за этой сценой, граф Амедей дождался встречного взгляда Джоанны и буквально впился в неё своими глазами. Джоанна даже бровью не повела, и ни один мускул не выдал ее страха или сомнения остаться здесь.

– Думаю, нам лучше остаться, – наконец тихо, твёрдым тоном сказала Джоанна. Граф ничего не ответил и махнул рукой кому-то в темноту зала. Кроме Джоанны, Иоланды и её дяди, в зале был еще бессменный Филипп служивший кастеляном в замке последние пятнадцать лет и два покрытых дорогими одеждами мужчины, граф Амедей называл каждого из них «герцог». Они прибыли на праздник в замок вместе со всеми, но только сейчас вошли в зал и граф не представлял их никому.

В зале повисла тишина, которую кроме треска поленьев в печи ничего не нарушало. Иоланда смотрела по сторонам стараясь понять, зачем они все здесь собрались, и она первой увидела, как открылась маленькая, потайная дверь, рядом с большим окном, напротив камина. Когда то давно она обнаружила ее случайно, но никогда не видела, чтобы ей кто-либо пользовался. В зал зашли двое мужчин, всмотревшись в лица, ей показалось, что она прежде уже видела их, но пляшущие блики огня не давали рассмотреть лица вошедших. Один из мужчин подошёл к графу и взглядом показал на Джоанну и Иоланду.

– Иоланда, моя племянница, – коротко ответил ему дядя и показал на Иоланду взглядом. – Джоанна мать её отца, – сухо закончил он, кивнул он в сторону Джоанны, но не посмотрел на неё.

– Граф де Гин! Рауль де Бриенн! – неожиданно для всех бодрым голосом, почти прокричала Джоанна. Этого не ожидал никто и все повернулись в ее сторону. Джоанна смелой походкой направилась к Раулю.

– Вот уж кого не ожидала встретить сегодня. Я слышала...

– Не стоит верить слухам, – резко прервал ее граф Амедей. – Я думаю вам пора спать, веселье закончилось.

И граф Амедей, не дав опомниться Джоанне, взял её под локоть и вывел против ее воли из зала, Иоланда последовала за ними, успев заметить удивление и мимолётную растерянность на лице Рауля де Бриенн, как назвала его бабка.

Дверь за ними с грохотом закрылась и Джоанна крепко взяв Иоланду за руку сказала:

– Проводи меня, а я пока расскажу тебе историю.

– Синьора, – произнесла Иоланда, это обращение она использовала, когда хотела хоть как то защитить себя от вовлечения в бабкины интриги.

– Молчи и слушай, – не дав закончить Иоланде, начала Джоанна, – этот Рауль не проста здесь сейчас появился. Его ищут во Франции, ему будут рады в Англии, но никто пока не знает, что с ним делать. Его обвиняют в оскорблении короля Филиппа, и я слышала висельницу для него уже готовят, а он приехал в Шильон, – Джоанна остановилась и начала часто притопывать правой ногой. Она делала так каждый раз, когда затевала свои интриги, что-то просчитывая в своей голове.

– Я не хочу этого знать, – шепотом сказала Иоланда, – Если дядя скрывает кого-то, значит это не касается ни меня, ни тебя, и я думаю, это опасно так откровенно вмешиваться в дела дяди, он не любит этого.

– Плевать я хотела, на твои думы и на твоего дядю. Рауль де Бриенн граф де Гин и д'Э, вот что действительно интересно, вот о чем нужно подумать.

– Думай, сколько хочешь, – с шепота Иоланда перешла на громкий голос, – не втягивай в это меня.

Иоланда вырвала свою руку и побежала по тёмной лестнице ведущей вниз к кухне, куда бабка не ходила даже днем.

– Вернись!, – грозно повторила Джоанна, но Иоланда была уже далеко.

«Ну что, ж граф, значит граф!», – самой себе не то начала, не то продолжила какую-то мысль Джоанна.

Утром следующего дня, Иоланда за завтраком узнала, что барон Луи, юные кузены Иоланды и все гости отправились в Сант-Морис, и теперь в замке оставались только тайные ночные гости дяди и он сам. Предчувствуя неладное, Иоланда пошла наверх к бабке ждать пока та проснётся. Джоанна просыпалась ближе к полудню в обычные дни, а сегодня она легла спать только несколько часов назад, и сколько придется ждать Иоланда не знала, поэтому попросила служанку принести ей книгу с рисунками. Но едва Иоланда расположилась на стуле перед дверью спальни Джоанны, как услышала быстрые шаги бабки по комнате. Иоланда вопреки своим принципам прислонила ухо к двери, чтобы убедиться, что действительно шаги доносятся из спальни Джоанны. Она не ошиблась, по комнате действительно быстро ходила бабка, ее шаги Иоланда с детства могла узнавать и отличать. Иоланда долго не решалась постучать, она так и стояла в нескольких дюймах от двери, в нерешительности опустив голову. В таком положении ее и увидела Джоанна, резко открыв дверь. Джоанна обладала фантастическим чутьем, на всё тайное и скрываемое от неё.

– Что ты здесь делаешь, – почти прорычала она, увидев Иоланду.

Иоланда испуганно хлопала ресницами, по шагам отступая к стене, пока не уперлась в нее спиной.

– Ну! — приказала Джоанна, – быстро говори, что ты здесь делаешь, – из её глаз буквально лилась злоба и ненависть.

– Я пришла поговорить с тобой, – как можно спокойней проговорила Иоланда прерывающимся голосом.

– Говори, – чуть смягчившись сказала Джоанна, и потянула Иоланду за руку в комнату.

Джоанна почти неслышно закрыла дверь своей спальни.

– Я слушаю тебя. Зачем ты стояла и подслушивала под дверью? Что ты хотела здесь услышать? Почему пришла рано? Ты же знаешь, я еще сплю в это время. Ты хотела разбудить меня? Интересно, что тебя заставило, или кто тебя заставил придти ко мне в это время?

Джоанна обладала даром подолгу говорить с собеседником не дожидаясь от него ответов, она горстями бросала вопросы, но ответить на них не давала никакого шанса и возможности. Сама задавала вопросы, сама на них отвечала, делала выводы, заключения, и только когда в своём монологе она выговаривала всё, что считала нужным сказать, только когда выговаривала порцию оскорблений и обвинений Иоланде, только тогда она наконец-то прерывалась, делала короткую паузу, и уже с восстановленными силами принималась за обвинения вновь. Иоланда привыкла к этому стилю Джоанны и обращала на него внимание с одной лишь целью, чтобы поймать тот момент, когда бабка выговориться.

– Ну что ты молчишь, как всегда, – Джоанна впиалась своими глазами буравчиками в Иоланду.

– Жду когда ты закончишь.

– Если будешь молчать, то закончу я очень скоро, при чем вместе с тобой, – речь Джоанны с новой силой полилась на Иоланду.

– Ты же убежала, тебя же не касается, что происходит в замке, ты же думаешь, что это я лезу не в свои дела, чистенькой хочешь быть! А не получится уже! Если у нас гостит Рауль, значит это Бог послал нам такой шанс, чтобы... – Джоанна замолчала, подбирая слова. – Чтобы... – она не решалась сказать дальше, и Иоланда понимая эту нерешительность, предположила самое страшное.

– Ты хочешь его выдать?

– Что?! С ума сошла?! Совсем ничего не понимаешь глупая девчонка!

Джоанна подошла к окну и глядя на Иоланду как на нерадивого ребёнка, тихо, вкрадчивым голосом начала.

– Он приехал сюда неспроста, и неспроста Амедей собрал так много гостей именно в то время, когда прячет у себя того, за кого могут дать как золото, так и висельницу. Этот лис что-то задумал.

Внезапно голос Джоанны стал жестким.

– И в его замысле, я уверена есть место тебе. И не последней.

Иоланда пока ничего не понимала и сморщив лоб смотре-

ла на бабушку пытаюсь угадать. К чему же все таки она клонит.

– Ты должна помнить девочка, кому ты обязана своей сытой жизнью здесь. Это я тебя оставила здесь, вместо того чтобы отправить тебя голодать к твоим родственникам в Ломбардию или и вовсе подохнуть там черной смертью как твоя, – Джоанна зло засмеялась, – как твоя итальянская родня.

Иоланда часто слышала подобные упрёки бабушки, и если прежде она не понимала, зачем же действительно бабушка оставила ее в замке после смерти матери и отца, то теперь вдруг до нее смутно стали доходить догадки о причинах ее пребывания в замке.

– Так ты меня специально здесь оставила, чтобы использовать, когда придет время? – еще сама не понимая, что она говорит, медленно произнесла Иоланда.

– Молчи и слушай! – Джоанна совсем не растерялась, и продолжила. – Сегодня они отправили всех из замка, значит им не нужны лишние глаза. Зная барона, я думаю он вернется дня через два – три, и тогда захочет познакомиться со всеми гостями замка. Поэтому Раулю придётся либо покинуть замок, что маловероятно, либо куда-то спрятаться. Думай, думай, – приободряя себя Джоанна слегка постукивала пальцами по своему высокому лбу.

– Барон терпеть не может охоту, поэтому туда скорей всего Амедей всех увезёт до возвращения Луи.

Джоанна замолчала, и не глядя на Иоланду начала ходить

вокруг неё неровными кругами, то приближаясь, то отдаляясь от неё.

– Они отправятся на охоту, чтобы оставить замок пустым к возвращению нашего любопытного барона. Охота. Они поедут на охоту. Ты поедешь с ними.

Иоланда слушала её, и стараясь стряхнуть с себя всё, что только что услышала от бабки сейчас, качала головой.

– Что ты такое говоришь? Какая охота? Почему я? – Иоланда подошла так близко, что могла видеть как пульсируют зрачки в маленьких глазах Джоанны.

– Потому что так нужно, – вдруг ласковым голосом почти пропела Джоанна.

– Ты многого пока не понимаешь, да и не нужно тебе многое понимать, – усмехнулась Джоанна, – Ты просто поезжай на охоту. Развлекись. Отдохни. Уезжай из замка, пока я не пойму, что задумал наш драгоценный граф Савойский.

Джоанна обняла за плечи Иоланду и направила внучку к двери слегка подталкивая её к выходу и следуя за ней.

– Ты сегодня мало спала, иди отдохни немного, я пошлю за тобой, когда нужно будет собираться, – они остановились перед дверью, Джоанна повернула ключ, приоткрыла дверь и слегка толкнула растерянную Иоланду к выходу. – Поспи, пока за тобой не придут, и ничего больше не говори, потом, – и Джоанна прямо перед лицом Иоланды закрыла дверь.

Джоанна осторожно постучала в дверь к Иоланде.

– Просыпайся, пора!

Всё то время, которое прошло после возвращения Иоланды из спальни бабки она провела у окна, глядя на бурные волны озера. Они накатывали с такой силой, что казалось могут разрушить стены. В детстве Иоланда боялась, что однажды стены не выдержат и от очередного удара обрушатся вместе с волной в холодное озеро. Время шло, и наблюдая за волнами, Иоланда узнала, что стены останутся неприступными, несмотря на самые грозные волны. Как бы устрашающе не выглядели, и не звучали волны, они бессильны перед стенами замка и способны разве, что напугать его обитателей. Это наблюдение, возможно и помогало ей справляться с угрозами и упрёками Джоанны: много шума, который не несёт никакой угрозы.

– Иоланда, – уже настойчиво и громко позвала Джоанна Иоланду, возвращая ее от волн.

Иоланда подошла, отодвинула стальной засов и распахнула дверь:

– Что ты хочешь от меня?

Джоанна бросила брезгливый взгляд в комнату Иоланды, потом осмотрела с ног до головы саму девушку, осталась вполне довольна и взяв внучку за руку, собралась идти. Иоланда с силой отдернула свою руку.

– Я никуда с тобой не пойду, пока ты всё мне не объяснишь.

В последнее время она всё чаще стала противиться баб-

киным приказам. Джоанна же ещё не успела приспособиться к тому, что ее «неразумное дитя» становится самостоятельным и упрямым. Она еще не подобрала для тех ключей, которые открывали бы ей доступ к управлению строптивостью Иоланды и возвращали ей послушную девочку. Поэтому каждый раз, встречая отпор Иоланды она вела себя по-разному. Сейчас она набрала полную грудь воздуха и на выдохе, сжав зубы прошипела:

– Да кто ты такая, чтобы я тебе что-то объясняла, – ярость проснувшаяся в Джоанне, безотказно действовала на многих, её боялись. Но сейчас, она видела, что Иоланда как будто вовсе не услышала её. Иоланда скрестила на груди руки, давая понять, что бабке теперь не за что её схватить, и спокойно ждала, что будет дальше. Джоанна поняла, что совершила ошибку, так начав разговор, но отступать она не привыкла.

– Собирайся на охоту, – спокойней, но все ещё в сильном раздражении проговорила она. Нельзя, чтобы ты оставалась в замке, когда барон вернется со своей проверкой.

– Это всё? – с подозрением во взгляде и голосе поинтересовалась Иоланда. – Ты не ложишься спать целые сутки, только потому чтобы я поехала на охоту?

– Послушай, я не могу всего тебе рассказать, ты просто поверь мне. Так будет лучше для всех, – уже спокойным, ровным голосом закончила Джоанна. – Я жду тебя внизу.

Джоанна развернулась на пятках, как она любила крутить-

ся, когда у неё что-то получалось по своим замыслам, и быстро пошла вниз.

Иоланда подчинилась. Она спустилась вниз и увидела, что почти всё готово к поездке, лошади были уже запряжены, на них грузили еду и вино. Вот тогда Иоланда впервые рассмотрела Рауля. Она вспомнила, как видела его и прежде в замке, в начале лета и много после, тогда она не обращала внимания на него особого внимания, как и на остальных гостей замка. Рауль был гораздо выше всех, кто собрался во дворе, включая слуг по кухне. Его плечи были широкими, увенчанными высокоподнятой головой, так, что казалось он постоянно смотрит в небо. Иоланде хватило одного взгляда, чтобы насторожиться. Она не понимала, что именно, но в Рауле было что-то, что её пугало и манило одновременно. Она медленно обошла его большим кругом, и встала за спиной, чтобы не встречаться с ним взглядом. Во дворе было шумно, мужчины сыпали шутками о предстоящей поездке, предвкушая развлечение охотой на куропаток, слуги поковали поклажу на лошадей, лошади ржали, приготовленный ягненок жалобно блеял. Иоланда не любила охоту, и когда было возможно, оставалась дома, чтобы быть подальше от убийств.

Иоланда с удивлением наблюдала за Джоанной: та в совершенно несвойственной ей манере кокетничала с Раулем, и была необычайно мила с ним. Могло показаться, что он отвечал ей взаимностью, но Иоланда научившаяся читать ли-

ца, видела, как был напряжен и чем-то очень обеспокоен Рауль. Когда всё было готово, Джоанна подошла к Иоланде.

– Отдохни в горах, – обняв Иоланду почти пропела Джоанна, она была мила сейчас, насколько она вообще могла быть милой.

Иоланда посмотрела внимательно в глаза Джоанне, ожидая продолжения.

– Что ты на меня смотришь?

– Я хотела бы остаться. Этот граф, – Иоланда едва заметно повернула голову к гостям.

– Отдохни в горах, – не дав договорить, ледяным голосом перебила её Джоанна, – делай что тебе говорят, а фантазии оставь слугам.

Джоанна резко повернулась на пятках и пошла к воротам, подавая тем самым знак, что разговор окончен и пора отправляться. Было уже далеко за полдень, когда большая компания покинула замок, направляясь в горы. Иоланда не торопилась покидать стены замка и выехала последней. Было солнечно, ветра почти не было, и проехав совсем немного Иоланда почувствовала как по спине побежали струи пота. Солнце припекало не щадя, и укрыться от него было негде.

«Зачем было ехать в такую жару?» – размышляла Иоланда, вглядываясь в спины тех, кто шёл впереди. Она видела спины слуг, а впереди всех, ехал дядя и широкоплечий Рауль. «Уж не из-за него ли Джоанна отправила меня в такую жару. И как ей удалось уговорить дядю?». Очень редко дядя

брал с собой Иоланду в поездки, она вообще редко покидала замок. Он считал ее домашним, несмышленным ребёнком, с которым нужно вести себя соответственно, хотя возможно, именно так он проявлял к ней свои тёплые чувства. Иоланда очень часто слышала от бабки вопрос не требовавший ответа: «За что это он тебя балует?». Иоланда не понимала, в чем состоит это баловство, ей казалось, дядя просто добр к ней. Она просто не видела, как он вел себя с другими своими племянницами. Когда они приедут, Иоланда обязательно спросит у дяди, зачем нужно было брать ее с собой, а пока она слегка подхлестнула свою лошадь, чтобы догнать дядю и его гостя. Подъехав ближе, Иоланда поняла, что Рауль и дядя едут впереди всех на расстоянии, с которого не доносится звук голосов. Подъехать ближе она не решилась, и чуть потянув поводья, сбавила шаг лошади.

– Сними перчатки, так будет легче в такую жару, – услышала Иоланда совсем рядом незнакомый мужской голос. Она обернулась и увидела молодого мужчину, который сопровождал Рауля в его поездках. «Это видимо его слуга, хотя держался он довольно свободно с Раулем когда мы были ещё во дворе». Иоланда вспомнила, как на кухне шептались слуги про какого-то слугу гостя, который доводится ему не то незаконнорожденным сыном, не то братом. Она хотела спросить, кто он и кем приходится Раулю, как услышала:

– Я Джулио Шеридан, мы прибыли вчера с Раулем. Нас не представили вчера на празднике, точнее не успели пред-

ставить.

– Кем вы приходитесь Раулю? – откровенно и смело глядя в глаза, своему новому знакомому спросила Иоланда.

Новый знакомый улыбнулся, опустил голову и ехал какое-то время с улыбкой.

– Я его помощник.

Иоланда внимательно смотрела на Джулио, что-то её очень смущало в нём, и она не могла понять что именно. У неё возникло ощущение подобное тому, что она испытала во дворе, когда рассмотрела Рауля: одновременное желание подойти и остаться незаметной. Она чуть пришпорила лошадь, чтобы ехать впереди, но помощник Рауля тут же догнал Иоланду и взяв за поводья её лошадь, улыбнулся:

– Не стоит так быстро.

Иоланда удивилась, но не сказала и слова. Усталость от солнечного тепла, уже начала проявляться на лицах, и небольшой привал не помешал бы, но дядя и Рауль ехали не оборачиваясь, и никто не осмеливался приблизиться к ним с просьбой об отдыхе.

Незадолго до вечера они приехали к Охотнику, давнему знакомому графа Амедея. Иоланда бывала здесь только однажды, и то ненадолго, она не знала имени Охотника, не знала и было ли оно у него. Она не слышала, чтобы кто-то к нему обращался по имени. Она знала только, что он давно уже живёт в горах и пользуется особым расположением и уважением дяди. Для часто навещавших Охотника гостей был

построен специальный дом, вдалеке от дома был еще один, небольшой и низкий дом для слуг. По приезду слуги занялись своими привычными обязанностями, носили вещи, разбирали продукты. Дядя и Рауль куда-то исчезли, Джулио тоже не было видно. «Охоты сегодня не будет», подумала Иоланда глядя на солнце, которое уже клонилось к горизонту. Она искала глазами дядю, но ни его ни его знакомого нигде не было видно. Иоланда направилась к дому Охотника: неровные, сложенные из камней стены были невысокими и не имели окон, дом нелепо выглядел в сравнении с домом для гостей. Когда она была здесь Охотник подарил ей вырезанную из дерева птицу, в хвосте которой была проделана маленькая дырочка, Иоланда дула в неё и птица начинала петь. С того времени Охотник передавал для Иоланды игрушки и сейчас она хотела поблагодарить его за них. Она запомнила его большим и добрым, и ей казалось, что таким мог быть её отец. Иоланда тихо постучала в дверь, но никто не отозвался и не открыл.

– Они уехали в горы, – услышала она за спиной голос Джулио, – До ночи они не вернутся, – предупреждая вопрос Иоланды, быстро закончил Джулио.

– А почему ты здесь?

– В горы поехали только Рауль, твой дядя и этот охотник, – Джулио показал на дом охотника. – Да и не люблю я охоту, – поджав губы закончил он.

– Что ты будешь делать в те дни, пока мы будем здесь?

– Посмотрим. Пока я займусь ужином.

– Чем? – удивилась Иоланда.

– Я приготовлю ужин, – увидев её удивление, смеясь ответил Джулио.

– Я думала, – Иоланда подбирала слова, – Я не думала...

Джулио вновь засмеялся.

– Что я могу готовить?

– Да, – она обрадовалась, что ей не пришлось говорить то, чего говорить не хотелось. Она все еще не могла понять, кто такой этот помощник Рауля, он совершенно не был похож на слугу, но она понимала, что им можно командовать и распоряжаться.

– Я пожалуй останусь с тобой, чтобы ничего не пропустить.

– Что именно ты не хочешь пропустить?

– Я хочу поговорить с дядей.

Джулио вновь улыбнулся, и вновь улыбка надолго осталась на его лице.

Время не торопилось бежать, и так же неспешно тёк разговор Иоланды и Джулио. Напряжение, которое она испытала при пером разговоре с Джулио исчезло и с каждой минутой она понимала, что никого прежде она не хотела так жадно слушать. Ни с кем прежде ей не было так весело, и ни с кем прежде она так долго не смеялась в голос, никогда она не чувствовала себя так легко. Но что-то напряженное было в Джулио, а что именно, она никак не могла угадать, и реши-

ла что это напряжение как-то связано с Раулем. Каждый раз, когда она что-либо спрашивала о нем, по лицу Джулио пробежала едва заметная тень, оставляя такую же едва заметную грусть в глазах.

Нехитрый обед был давно готов, слуги оставшиеся без дела пили вино, им было весело, они громко разговаривали и смеялись, чем удивили Иоланду, поскольку в замке они вели себя тихо и незаметно. У кого-то оказалась в руках свистулька, видимо подаренная когда-то Охотником, и под освещение заходящего солнца начались танцы: слуги прыгали, хлопали в ладоши, соединяли руки образуя арки, через которые ныряли со смехом. Иоланда смотрела на все это заворожено, ей открывался новый неведомый ранее мир свободы и раскрепощения, ничего подобного она прежде не видела. Веселье продолжалось до самых сумерек. Когда стало темно и слуги ушли спать, Иоланда почувствовала тревогу, причина которой ей была не понятна, она смотрела на дорогу, ведущую в горы, по которой должны были вернуться дядя, охотник и Рауль. Её тревога не укрылась от Джулио.

– Они могут не вернуться сегодня? – тихо спросила Иоланда.

– Не думаю, в темноте в горах лошади не смогут идти, а ночевать им там не где.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.